

АГИОГРАФИЯ

УДК 821.161.1; 23/28

Е. К. Макаренко

ПОЭТИКА СОВРЕМЕННОЙ СИБИРСКОЙ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖИТИЙНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О СВЯТОМ ПРАВЕДНОМ СТАРЦЕ ФЕОДОРЕ ТОМСКОМ)

Исследуются принципы композиционного построения, сюжетосложения и жанрово-стилевой природы первых образцов региональной детской агиографической литературы. Детская агиография, как правило, ориентируется на «взрослое» каноническое житие. Поэтому при анализе текстов рассматриваются принципы соотносительности современных агиографических произведений о сибирском святом – праведном старце Феодоре с каноническим житийным текстом «Житие святого праведного старца Феодора Томского», составленного игуменом Силуаном (Вьюровым), и исследуются художественные интерпретационные стратегии писателей. Особое внимание уделено анализу художественных принципов изображения образа Сибири, который является важной географической характеристикой сибирской региональной литературы.

Ключевые слова: агиография, житие, сюжет, жанр, стиль, композиция, образ, Сибирь.

Данная статья посвящена исследованию поэтики современной детской сибирской агиографической литературы. Под региональной агиографической традицией понимается «не столько место создания жития, сколько место духовного подвига святого» [1, с. 124]. Сибирская агиографическая литература включает в себя те жития, которые написаны о святых, в земле Сибирской просиявших своей подвижнической жизнью.

Проблемы сибирской агиологии и житийные памятники Сибири в последние десятилетия в гуманитарной науке являются предметом интенсивного описания, в том числе сибирских исследователей – Е. К. Ромодановской [2] и ее школы, Н. К. Чернышовой [3], И. В. Грековой [4] и др.

Отдельного рассмотрения требует сибирская агиография для детей, которая остается по-прежнему не изученной в литературоведении. Появившиеся житийные произведения для детского круга чтения о сибирских святых представляют собой первые образцы в жанре детской агиографической литературы Сибирского региона, поскольку ранее житийных произведений для детей в Сибири, насколько известно, не создавалось. К сибирской агиографии относятся такие произведения для детей и юношества, как «Мудрый юноша. Житие святого мученика Василия Мангазейского, пострадавшего на Пасху» в пересказе для детей Т. Сарыевой и М. Смирновой, «Благословенный старец: рассказы из жития святого праведного Феодора Томского» Ю. А. Успеневой, «О дивном старце, стороне сибирской и о людях добрых: рассказы по мотивам жития праведного Федора Томского» С. В. Татаркиной, «Сибирский праведник: старец Феодор Том-

ский» монахини Евфимии (Пашенко), «Тайна, унесенная на небо» С. Фонова и др. Довольно большое количество житийных произведений о святом праведном старце Феодоре Томском, вероятно, вызвано притягательностью таинственной биографии праведника, которая так и осталась до конца не раскрытой. В данной статье исследуется поэтика житийных текстов о старце Феодоре Томском, которые, с одной стороны, представляют собой первые образцы складывающейся сибирской детской агиографии, с другой стороны, являются репрезентативными текстами, на примере которых можно исследовать основные принципы художественной поэтики современной житийной литературы для детей и юношества.

Такой важный признак определения региональной литературы, как географическое положение территории, заставляет обратить особое внимание на образ Сибири, представленный в сибирской агиографии, тем более что сибирский локус является оправданным для подвижнической жизни своей удаленностью от культурного центра, суровой природой, как пространство кары и наказания, «давно закрепившей за собой репутацию „страны изгнания“» [5, с. 30] и в то же время «края лиминальной полусмерти, открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни» [6, с. 28]. Однако необходимо учитывать, что для жития концептуальным и аксиологическим центром является образ святого и его подвижническая жизнь, место же и условия пребывания подвижника важны только как условия, помогающие или мешающие спасению праведника. Поскольку все лан-

дшафтные, культурно-исторические особенности Сибири, местный колорит в агиографическом тексте важны не сами по себе, а в отношении к святому, они представлены в тексте очень сжато и неконкретно и подчинены основной цели – представить исторически достоверные сведения о жизни праведника. Однако в детских житиях специфический адресат – ребенок и такие коммуникативные цели, как просветительская, дидактическая, воспитательная и образовательная, определяют разные стратегии персоналогического моделирования текста, позволяющие описать редуцированные во «взрослых» житиях стороны жизни святого. Авторские коммуникативные цели детских агиографических текстов позволяют раскрыть сибирскую тему более подробно и разнообразно, чем она представлена в канонических житиях.

Произведения представителей сибирской словесности – Ю.А. Успеневой и С. В. Татаркиной¹ – отличаются от других писателей и, несмотря на различия в индивидуально стилиевой манере повествования, достаточно похожи друг на друга в композиционном принципе построения книги о святом и заметной ориентацией на предтекст – «Житие святого праведного старца Феодора Томского». Обе писательницы ориентировались на одинаковые источники при создании своих агиографических произведений для детей – это житие, составленное игуменом Силуаном (Вьюровым) (2005 г.), и известные исторические исследования о биографии святого². Соотнесенность произведений томских писательниц с формально смысловой организацией исходного текста жития видится в следовании основной авторской стратегии описания биографии старца Феодора, при которой внимание читателя переносится с заключающей в себе «внешнюю» тайну и интригу биографии святого на таинственный смысл его духовного подвига.

Обе книги томских писательниц написаны в жанре рассказа и посвящены важным и поучительным эпизодам из жизни святого. Каждый рассказ экономичен по количеству вводимых образов и моти-

вов, обладает ситуативной конкретностью и при этом входит в общую сюжетную канву книги, представляющую собой хронологически последовательную биографию старца, начиная с появления Феодора Кузьмича в Сибири и завершая его представлением и посмертными чудесами.

Книга Ю. А. Успеневой «Благословенный старец: рассказы из жития святого праведного Феодора Томского» опубликована в 2010 г. и была отмечена дипломом II степени в номинации «Лучшая детская книга» в рамках московской ежегодной церковно-общественной выставки «Православная Русь» в V открытом конкурсе изданий «Просвещение через книгу». Текст книги сопровождают яркие и красочные иллюстрации, сделанные томским художником О. Нечаевой.

В произведении Ю. А. Успеневой присутствуют многие факты из канонического жития святого и представлены в той же последовательности, так что первые и последние рассказы имеют тождественные или схожие с предтекстом названия: «Пролог», «Появление в Сибири», «Чудесные столбы», «Кончина».

Основные рассказы агиографической книги – духовно-назидательные истории патерикового типа о важных биографических эпизодах и чудесных случаях из жизни сибирского праведника («Про священника», «Тихий странник», «Каторжный», «Холстинки», «Сашенька», «Свет от иконы», «Дрова», «Святой старичок», «Пожар») – актуализируют отдельные фрагменты текста канонического жития, которые являются развернутыми переложениями лаконично представленных в центральной части предтекста событий. Например, достаточно кратко описанный в житии старца Феодора Томского случай из жизни сибирского святого о проявленной скупости жены купца Ф. Хромова, которая была обличена прозорливым старцем Феодором («Когда старец жил на Красной речке, однажды его посетили купец Хромов и его супруга. Перед отъездом Хромов велел жене взять старцу на рубашку хорошего тонкого холста. Но она подумала: «Зачем старцу хороший холст?» И взяла похуже. Когда приехали к старцу и она стала отдавать ему холст, то он обратился к ней со словами: «Ведь тебе было велено привезти тонкий холст, нужно было исполнить. Но, – добавил затем старец Феодор, – для меня, бродяги, и этот очень тонок» [7, с. 14]), развернут писательницей в композиционно завершенный и подробный рассказ, представляющий собой линейное развертывание текста с включением в него описания купеческого быта («Все ладно и красиво в комнате у Натальи Андреевны: подушечки вышиты, разнаряжены на диване вдоль стенки стоят, узорные шторы веселым рисунком на окне светятся, а самовар-то на столе какой важный красует-

¹ Две рассматриваемые нами писательницы – Ю. А. Успенева (1977 г. р.) и С. В. Татаркина (1978 г. р.) родились в г. Томске. Определенное сходство книг о святом праведном старце Феодоре двух томских писательниц неслучайно и связано с историей создания этих текстов. Ю. Успенева и С. Татаркина сформировались в кругу научной интеллигенции г. Томска, закончили томские вузы, имеют филологическое образование и хорошо знают церковную жизнь Богородице-Алексиевского монастыря, в котором находятся мощи св. прав. Старца Феодора Томского. Более того, именно Богородице-Алексиевский монастырь в период создания произведений являлся для них обоим духовным центром.

² Громыко М. М. Святой праведный старец Феодор Кузьмич Томский – Александр I Благословенный. Исследование и материалы к житию. М.: Паломник, 2007; «Кто он? Император Александр I. Старец Феодор Кузьмич. Святой Феодор Томский». Томск, 2004. 806 с.

ся!» [8, с. 40]), ретроспективного плана (история знакомства купца Семена Хромова со старцем), диалогов и развернутых внутренних монологов героев (например, «И зачем старцу тонкий холст? – подумала про себя Наталья Андреевна. – Как он неприметно всегда одевается, и жизнь сам себе такую суровую устроил, что и незачем, верно, ему в тонкие холсты наряжаться. Отвезу-ка я ему вот этот кусочек, попроще. А тот мне и самой куда-нибудь в дело пригодится» [8, с. 39]), с введением вымышленных персонажей (Семен-кузнец и его дети) и побочных сюжетных линий. В этом рассказе можно выделить четкие композиционные части – зачин («История эта приключилась еще в те времена, когда Феодор Кузьмич жил на Красной речке» [8, с. 36]), основная часть и финал с назидательной моралью, которую выводит для себя сама героиня: «И впредь, с кем бы ни встречалась – страннице ли какой одежду или провизию случится подать, подругам ли своим на именины подарочек выбрать, или кому-то еще – всегда старалась давать самое лучшее» [8, с. 40]). Принцип развертывания кратких эпизодов из жития святого праведного старца Феодора Томского в более полные и подробные повествования, введение в художественный житийный текст для детей новых художественных компонентов (диалоги, монологи, описания, моральные сентенции) позволяют говорить о креативном типе художественной интерпретационной стратегии писательницы, создавшей на основе содержания предтекста совершенно новое произведение [9, с. 256].

В отличие от объективного, строгого научно-описательного стиля повествования жития о старце Феодоре Томском, книга Ю. А. Успеневой, начиная с вступления, написана в основном в сказовой манере повествования: «Много про него говорили: и бедняки на улицах, и те, кто шпаги сбоку припиливают да в каретах заезжают на Хромовку, к старцу в хибарку наведаться. Мол, так и напоминает старец-то наш того – Освободителя Александра, который из-под французов нас вывел: и рост, и стать, и лик похож будто. И много еще таких историй нам рассказывали. Но то не наш рассказ, наш – про другое. Про то, как жил однажды в Томске дедушка всем видом простой, обычный, а на службу ходил не к купцу, не к губернатору, а к самому Господу Богу» [8, с. 6]. Автор детского жития использует фольклорные сказочные стилистические элементы, знакомые детям по преданиям, легендам и сказкам, такие как типичные формулы фольклорной стилистики («жил-поживал», «ну так слушай»), уменьшительно-ласкательные суффиксы («дедушка», «старичок»), повторы прилагательных («на синем-синем небе»), образные сравнения («глаза его при этом засверкали, как грозные огни») и др. При этом способ повествования по-

строен на чередовании «живой» разговорной речи, которая ведется от лица рассказчика, и встречающегося «авторского» слова, стилистика которого соответствует литературной норме и появляется как в общей ткани повествования, так и в комментариях (например: «В те времена Сибирь была дальней окраиной обширной Российской империи» [8, с. 30]). Речевые формы сказового повествования «строят» образ анонимного рассказчика – мудрого взрослого человека, вышедшего из народной среды. Можно предположить, что подобная речевая манера повествования используется с целью сделать рассказ более доступным для понимания ребенка, так как имитация устной речи, традиции фольклорных жанров близки и понятны детскому восприятию. Кроме этого, старец Феодор Томский жил в свой сибирский период среди крестьян и простого люда, поэтому сказовая манера повествования помогает воссоздать атмосферу жизни, в которой жил и подвизался Феодор Кузьмич. Завершающее вступление к книге обращение к юному читателю («Жил-поживал, и много историй с ним приключилось таких интересных, что заслушаешься. Ну так слушай...» [8, с. 6]) и приглашение его к слушанию, характерное для народной сказки, моделирует ситуацию рассказывания взрослым интересного предания старины для ребенка. Для повествования характерны субъективно-авторская модальность, эмоциональность, оценочность («Да и кобыла у этого человека была такой редкой красоты, что заглядишься. Такая не у всякого богача-то отыщется!» [8, с. 8]), психологизм, дидактика и назидательность.

Поэтика житийного произведения Ю. А. Успеневой строится на синтезе исторического и легендарного. Начиная с вступления, введение сказового стиля создает проницаемую границу между исторической правдой, связанной с описанием жизни города Томска XIX в., биографией святого и легендарным, полным чудес миром далекого прошлого сибирской земли. Чудесно-легендарный и реально-исторический пласты в художественном мире автора реализуются в двойном хронотопе, которым открывается вступление жития: «Томск – терем-град, город чудной резьбы старинных деревянных домов девятнадцатого, уже чуть-чуть сказочного века» [8, с. 5]. В этом предложении соединяются номинация реально существующего топонима «Томск» с эпитетом из фольклорной традиции «терем-град», номинация исторического времени «XIX век» с определением-эпитетом «чуть-чуть сказочный». В связи с этим образ святого праведного старца Феодора Томского также описан достаточно реалистично («Кандалы мешали, еда была плохая, но Феодор Кузьмич, как и прежде, был ласков и внимателен ко всем. Одному корочку

хлеба свою передаст, другому на остановке после долгого перехода улечься поудобнее поможет...!» [8, с. 13]) и в то же время напоминает знакомого по былинам и легендам образ доброго, наделенного чудесной силой и мудростью старика: «Ходит старичок в балахончике, не скрывается. Спросишь – ответит, а не спросишь – дальше пойдет своей дорогой, только так посмотрит – будто ясным светом тебя всего, с головы до ног озарили» [8, с. 5–6]. При этом, в соответствии с агиографической традицией, образ святого раскрывается через описание его духовных подвигов (пост, молитва, странничество), поступков милосердия и любви к ближним, которые показывают юному читателю святость старца.

В самих рассказах исторический реалистический пласт начинает преобладать над сказочным и постепенно появляются приметы исторического времени и пространства: «Только однажды осенью, в погожий денек, когда на синем-синем небе светятся своими пестрыми листьями леса, в пригород Красноуфимска, а город этот находился в Пермской губернии, въехал необычный всадник» [8, с. 8]. Упомянутые в рассказах сибирские города Томск, Иркутск, Красноярск, Зерцалы, Ачинск, Красноярск оказываются наделенными такими приметами сибирского топоса, как удаленность от центра («В те времена Сибирь была дальней окраиной обширной Российской империи»; «глухая Сибирь»), суровый климат («Дело было зимой в Красноярске. На дворе стоял февраль, и весь город по самые высокие заборы замело снегом. Снег гнул к земле тяжелые ветки, забирался в самые дальние уголки и закоулки» [8, с. 21]), как место ссылок, заселенное странным и неблагополучным людом («И по доброй воле сюда ехали только безземельные крестьяне, казаки, ищущие свободы, да золотопромышленники всех мастей. Присылали сюда и ссыльных, которые своей свободой, напротив, не имели – их отправляли в Сибирь в наказание за преступления» [8, с. 30]). Наибольшая этнографическая достоверность достигается описанием конкретного пространства г. Томска XIX в., топонимикой улиц («От Воскресенской горы до купеческой усадьбы рукой подать: все прямо и прямо по Монастырской улице, мимо Алексеевского монастыря...» [8, с. 70]), историческими справками и комментариями. Надо отметить, что книга Ю. Успеневой насыщена богатой учебно-познавательной информацией исторического, географического, этнографического характера, помогающей воссоздать облик Сибири конца XIX в., который раскрывается и в самих сюжетах, и в бытовых зарисовках, в описании природного и цивилизованного планов этого особого региона России. Встречающиеся детям старославянизмы, незнакомые слова, обозначающие детали быта, исторические собы-

тия объясняются как в самом тексте (например, «кандалы – тяжелые железные обручи, скрепленные между собой цепями» [8, с. 13]), так и в специально выделенных на полях комментариев. Таким образом, житийное произведение Ю. А. Успеневой несет в себе не только воспитательные, назидательные функции, но имеет задачи учебно-просветительского и образовательного характера.

Книга другой томской писательницы С. В. Таркиной «О дивном старце, стороне сибирской и о людях добрых: рассказы по мотивам жития праведного Федора Томского» отличается иным стилем художественного повествования, который характеризуется строгостью, серьезностью, объективностью. В предисловии, выдержанном в научно-публицистическом стиле, автор приглашает к чтению книги с подчеркнуто уважительной дистанцией к адресату («Надеемся, что чтение этой книги никого не оставит равнодушным» [10, с. 3]), обращается к читателям с просветительно-дидактической установкой, объясняя феномен святости, а также проясняет свою писательскую стратегию: «Помещаемые ниже рассказы повествуют о некоторых событиях, связанных со старцем Фёдором Кузьмичом. Все эти события известны и описаны в житии праведного Фёдора. Но изложенные в форме рассказа они украшаются многими дополнительными подробностями и позволяют очень живо представить и самого старца Фёдора, и знакомых ему людей, и то время, в которое он жил» [10, с. 3]. Писательница, отталкиваясь от предтекста, также использует креативный тип интерпретационной стратегии. Форма организации рассказов определяется сменой повествователей: нейтрального повествователя и персонажей, рассказывающих истории (каким, например, в рассказе «Не может быть!» является дядя Савва), которые являются участниками событий и имеют в большинстве случаев исторического анонимного прототипа (рассказывавший разбойник – дядя Савва; придворный, узнавший царя Александра I в нищем Феодоре Кузьмиче – князь Михаил Алексеевич) и в произведении наделены вымышленной биографией. При этом некоторые рассказы построены по драматургическому принципу – экспозиция, развитие события в диалогах и в связи с этим образ святого праведного старца Феодора Томского также описан достаточно реалистично («Кандалы мешали, еда была плохая, но Феодор Кузьмич, как и прежде, был ласков и внимателен ко всем. Одному корочку хлеба свою передаст, другому на остановке после долгого перехода улечься поудобнее поможет...!» [8, с. 13]) и в то же время напоминает знакомого по былинам и легендам образ доброго, наделенного чудесной силой и мудростью старика («Ходит старичок в балахончике, не скрывается. Спросишь –

ответит, а не спросишь – дальше пойдет своей дорогой, только так посмотрит – будто ясным светом тебя всего, с головы до ног озарили» [8, с. 5–6]). Герои в большинстве случаев раскрываются через самовысказывание, которое становится средством характеристики говорящего и приемом наглядного развертывания основной темы.

Введение в агиобиографический сюжет вымышленных ситуаций и героев обусловлено попыткой автора соединить историческую и художественную правду. Вымышленным героям можно придумать нужную судьбу и понятную современному юному читателю психологию, тем более что во многих рассказах героями являются дети или отроки. С. В. Татаркина признавалась, что использовала вальтерскоттовский принцип сюжетно-композиционного построения своего произведения, при котором исторические лица (старец Феодор Кузьмич, семья Хромова, Сашенька и др.) появляются в окружении вымышленных персонажей, обыкновенных людей.

Образ святого праведного старца Феодора Томского представлен достаточно реалистично и раскрывается с помощью таких приемов создания характера, как речевое поведение, поступки (дела милосердия, помощь в исцелении или совете), подвиги (пост, непрестанная молитва, странничество) и духовные дары (прозорливость, исцеление, утешение), портретная характеристика, внутренние монологи, направленные на раскрытие духовного устройства святого («Вот и сейчас он шел и просил Господа, чтобы Он укрепил отца Никифора, чтобы сомнения и подозрения не терзали его доброе сердце. И в этой теплой молитве о ближнем Фёдору Кузьмичу открылась вся красота души отца Никифора, который, не задумываясь, отдал бы и жизнь свою за Веру православную» [10, с. 11]), оценки повествователя и других героев. Своеобразие авторского стиля С. В. Татаркиной проявляется в глубоком психологизме ее прозы. Все внимание автора концентрируется на душевном мире героев, который раскрывается в изображении ощущений, эмоциональных переживаний («История крестьянина сильно взволновала Митю. И сейчас он досадовал и злился на самого себя. Ему было стыдно перед дедом, который проявил столько великодушия и любви к этому несчастному человеку» [10, с. 43]), динамики чувств, духовных и душевных состояний героев («Как он смог об этом узнать?» – мелькнуло в голове у разбойника. А дальше... Дальше он уже не понимал, что с ним происходит. Не помнил он, как выскочил из дома и как очутился в лесу. Только в ушах все еще продолжали звучать слова седовласого старика. И такой нестерпимой болью отдавались эти звуки в сердце, что не выдержал он и закричал, словно дикий зверь» [10, 25]).

Нередко какая-нибудь деталь или событие включает ассоциативный механизм, помогающий герою лучше понять данную ситуацию.

Если писательскую стратегию Ю. Успеневой условно можно назвать экстравертной и экстенсивной, направленной на раскрытие многих сторон жизни – и внутреннего мира героев, и описания окружающей обстановки, которая включает в себя культурно-исторический контекст эпохи, то принцип повествования С. В. Татаркиной можно обозначить как интровертный, направленный на изображение внутреннего пространства героев, раскрытие побуждений, чувств и эмоциональных реакций личности. Таким типом повествования объясняется достаточно скупое и неконкретное представленное сибирский топос. Кроме присутствия наименований сибирских городов (Белоярск, Красноярск, Томск), некоторых реалий этого региона той эпохи (ссылные), климата («и это зимой-то, когда воздух от мороза трещал» [10, с. 44]), образ Сибири носит обобщенный характер. В книге С. В. Татаркиной преобладают воспитательная и назидательная функции над учебно-образовательной.

Житийное произведение монахини Евфимии (Пашенко)¹ «Сибирский праведник»: старец Феодор Томский» является по объему более кратким, по сравнению с вышерассмотренными, не имеет членения текста на части и композиционно построено по принципу «текст в тексте», при котором вымышленная история о ребенке обрамляет биографию святого или назидательный эпизод из его жизни. В жанровом плане произведение монахини Евфимии продолжает традицию нравоучительных рассказов, которая строится вокруг поступка героя-ребенка. Осознание сделанного плохого поступка и исправление главного героя происходят под влиянием мудрого наставника, объясняющего важные жизненные установки. В произведении «Сибирский праведник»: старец Феодор Томский» рассказ начинается с проступка мальчика Димы, который огорчился при виде посещения храма и участия в таинстве елепомазания божоватого дворника Васьки. Для исправления мальчика его крестный священник Николай рассказывает ему историю о сибирском бродяге, который теперь прославлен в лике святых – старце Феодоре Томском. Мальчик Дима своим поведением и словами раскрывает эмоционально-душевный мир ребенка, «страстную часть души», который после знакомства с примером праведной жизни старца Феодора исцеляется и исправляется. Сначала в Диме показаны действия страстей зависти («к великой зависти Димы» [11, с. 4]), тщеславия («тот ощущал себя, как говорится, в центре всеобщего внимания»

¹ Монахиня Евфимия (Пашенко) (1964 г. р.) родом из г. Архангельска.

[11, с. 5]) и жестокосердия, но после рассказа о. Николая мальчик получает духовно-нравственный урок, раскаивается в своем немилосердном отношении к дворнику Ваське и исправляется.

Кольцевая композиция строится на двойном хронотопе: время вымышленных героев – о. Николай и его крестника Димы относится к современности, пространство – г. Архангельск. Житийный хронотоп строится на другом пространстве (Сибирь) и прошедшем времени (XIX век). В связи с этим заметим, что в произведении монахини Евфимии (Пашенко) в большей степени представлен топос Архангельска, чем Сибири (не считая таких общих замечаний: «на дорогу, по которой гнали в Сибирь арестантов» [11, с. 15]). Это не случайно и объясняется предшествующим творчеством писательницы, которая занималась краеведением Архангельской области и писала книги, одна из которых «Очерки о храмах и монастырях Архангельской области XVII–XX вв.». Принципы композиционного построения житийного произведения и вымышленные персонажи – о. Николай и его крестник Дима – также перешли в ее агиографическое произведение из ранее написанных краеведческих рассказов¹. Предшествующая деятельность писательницы как краеведа проявляется так же во включении в художественный текст разного рода исторических фактов и культурно-бытовых реалий прошлых веков, однако надо заметить, что эта информация относится к истории и быту людей не столько Сибирского региона, сколько российского (например, «Кстати, знаешь, что в старину крестьянин обычно дарил тому, кто обучал его ребенка грамоте? Новую шапку и горшок каши. Тебе смешно? Только знаешь, Дима, для кого-то и такой подарок был не по карману. А Фёдор Кузьмич учил крестьянских детей совершенно бесплатно» [11, с. 17]). Наличие в тексте информации учебно-образовательного характера позволяет выделить в качестве коммуникативных целей этого произведения не только воспитательную, дидактико-назидательную, но и просветительско-образовательную.

В двух взаимосвязанных сюжетных линиях произведения – вымышленной и агиобиографической – участвуют разные действующие лица: в вымышленной сюжетной линии соблюдается парность в построении системы персонажей – наставник и ребенок, в агиографической части произведения ключевой фигурой является святой правед-

ный старец Феодор Томский. Диалог-беседа между Димой и его крестным проходит в неофициальном коммуникативном пространстве и отражает спонтанный устный диалог, функцией которого является знакомство с важными и назидательными эпизодами из жития святого:

«– Так ведь это же все было в старину! – воскликнул Дима. – Да еще и с монахом! А этот Васька кто такой?»

– Эх, Дима, Дима! – вздохнул отец Николай. – Ничего-то ты не понял! Не в том дело, где человек живет и как он одет, да сколько у него денег в кармане, а в том, что у него на душе. Как раньше говорили: «Хоть шуба и овечья, да душа человеческая». А ты знаешь, что у нас в России был человек, которого при жизни осудили, как бродягу, и сослали в Сибирь. Зато потом, спустя почти сто лет после его смерти, причислили к лику святых. Что ты удивляешься? Разве тебе никогда не приходилось слышать о праведном Феодоре Томском?» [11, с. 7].

Задающий вопросы и слушающий рассказ о. Николая Дима выполняет в художественном тексте функцию имплицитного читателя – ребенка, близкого по интересам, восприятию мира и возрастной психологии персонажу. Рассказ о. Николая построен по законам разговорной речи, при которой последовательность повествования прерывается воспоминаниями, ассоциациями, жизненными примерами, комментариями и назиданиями.

Если житийные произведения Ю. А. Успеневой и С. В. Татаркиной строились с помощью креативной интерпретационной стратегии по отношению к предтексту, то монахиня Евфимия (Пашенко) в центральной части, содержащей агиографический материал, более точной и дословной передачей фрагментов текста из жития святого праведного старца Феодора Томского придерживается копиальной интерпретационной стратегии при моделировании художественного текста.

Житие святого праведного старца Феодора Томского	Текст монахини Евфимии (Пашенко)
Однажды к праведному Феодору приезжал купец Нацвалов. Когда он вошел в келлию старца, тот внезапно обратился к нему с вопросом: «Зачем ты взял медные деньги? Они положены не для тебя». Незадолго перед этим Нацвалов действительно поднял где-то несколько оброненных неизвестно кем медных монет [6, с. 14]	Ехал однажды в гости к старцу Фёдору один купец. И по дороге нашел несколько медных монет. Как говорится, мелочь. Да только купчина раскусил иначе: «Раз ничье, так будет мое. Копейка рубль бережет». И сунул находку себе в кошелек. А как пришел он к Фёдору Кузьмичу, старец ему и говорит: «Ты зачем медные деньги взял? Они не для тебя были положены». Ведь и впрямь: чужое взял – все равно, что украл [11, с. 19]

¹ Как признается в своем интервью писательница, «я написала цикл краеведческих рассказов о городе Архангельске, героями которого стали мальчик Дима и его крестный отец Николай – своего рода «занимательное православное краеведение». А потом перешла к художественным текстам». Монахиня Евфимия Пашенко. Краткая биография. URL: <http://childrenbook-m.ru/authors/monakhinya-evfimiya-paschenko>

Как видно из сравнения этих двух текстов, писательница воспроизводит эпизод из жития старца Феодора Томского, буквально и дословно передавая слова сибирского праведника, только несколько меняя порядок слов, творческой же модификации подвергается только та часть текста, которая связана с купцом.

Последний анализируемый текст С. Фонова «Тайна, унесенная на небо» принципиально отличается от рассмотренных выше по ориентации его на предтекст, композиционному построению и стилю повествования. Вероятно, автор при написании произведения опирался не на «Житие святого праведного старца Феодора Томского», а на другие исторические источники, поскольку в его небольшом по объему тексте актуализируются отсутствующие в житии факты, как, например, знакомство царя Александра I со святым преп. Серафимом Саровским, неожиданная встреча служившего в Санкт-Петербургском военном гарнизоне казака Березина с Феодором Кузьмичем и др. Сергей Фонов строит свою авторскую стратегию, сделав акцент на загадке происхождения старца Феодора («Самый загадочный святой русской земли – это праведный старец Феодор Томский» [12, с. 3]), которая придает «сенсационный» пафос его произведению. Собственно житийная часть отсутствует, и повествование строится как передача слухов, толков, рассказов свидетелей чудесных и неожиданных встреч со старцем Феодором или императором Александром I («Но, как говорится, мир молвой полнится. Приехал к одному из жителей станицы родственник из далекой Тамбовской губернии. Поведал событие, которым еще больше озадачил сердца простых крестьян» [12, с. 8]). В таком построении житийного сюжета видятся традиции исторических анекдотов и, возможно, жанров легенды и предания. Отсутствие последовательного описания жизни старца Феодора приводит к редукции событийной насыщенности сюжета, писатель только «актуализирует отдельные элементы текста, комбинация содержательных компонентов которых позволяет „вычислить“ смысл в целом» [13, с. 287]. Сибирский топос, кроме упоминания «удивительно красивого города Томска», в котором находится Богородице-Алексиевский монастырь, в этом житийном произведении никак не представлен. Авторским намерением является стремление привлечь адресата к биографии сибирского святого, но достигается эта коммуникативная задача художественными средствами, характерными для детективного жанра.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Четыре житийных произведения для детей о святом праведном старце Феодоре исследовались по нескольким параметрам: соответствие предтексту и реализация определенного типа художественной интерпретационной стратегии автора при моделировании нового текста – креативной или копи-

альной, принципы композиционного построения жития, жанрово-стилевая природа произведения, принципы изображения образа святого и способы изображения сибирского топоса. Три произведения для детей – Ю. А. Успеневой, С. В. Таркиной, монахини Евфимии (Пашенко) достаточно близки предтексту в композиционном построении агиографического сюжета, передаче облика и образа жизни святого, авторской концепции жития с акцентом на духовном подвиге святого, а не на биографической тайне происхождения Феодора Кузьмича. Томские писательницы создавали свое произведение, отталкиваясь от «Жития святого праведного старца Феодора Томского», используя креативный тип художественной интерпретационной стратегии, монахиня Евфимия (Пашенко) более точным воспроизведением некоторых эпизодов текста жития в агиографической части своего произведения следовала копиальному типу интерпретационной стратегии при моделировании художественного текста. Все рассмотренные произведения для детей отличаются разными принципами композиционного построения текста и жанрово-стилевой спецификой, что обусловлено лингвоперсонологическими особенностями авторов.

Рассмотренные четыре житийных текста являются разными вариантами детской сибирской агиографии, поэтика которых строится на общих художественных принципах, характерных для современной детской агиографической литературы¹, и зависят от коммуникативной цели произведения. Так, образовательная цель детского жития находит выражение в описании природных условий, этнографических особенностей и местного колорита Сибири. Педагогическая стратегия детских писателей часто реализуется в выраженном психологизме жития. Авторские намерения привлечь внимание ребенка и увлечь его рассказом находят выражение в фольклорной сказочной стилистике, в использовании диалогической формы повествования, акцентировании на интересных и загадочных моментах в биографии святого. Однако какими-либо структурными или содержательными особенностями агиографические тексты для детей о сибирском святом не отличаются от других житийных детских произведений. Географический принцип выделения сибирской детской агиографии, который выражен в подробном представлении образа Сибири, также не может быть важным определяющим признаком региональной литературы, так как, не считая упоминания топонимов сибирских населен-

¹ Основные жанрово-стилевые традиции современной агиографии исследованы в статье Е. К. Макаренко «Жанровые модификации современных агиографических произведений для детей» // Вестник ТГПУ. 2015. Вып. № 10. Серия 10: Гуманитарные науки (Филология). Томск: Изд-во ТГПУ, 2015. С. 157–165.

ных пунктов и неконкретного описания ландшафта, климата и культурно-исторических реалий, образ Сибири представлен обобщенно и неподробно в большинстве рассмотренных текстов. Поэтому можно с условностью говорить о региональной поэтике сибирской агиографической литературы для детей. Поэтика современных житийных произведений обусловлена в большей степени принци-

пами персонологического моделирования текста, чем региональным фактором.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-14-70005 «Творчество сибирских писателей и сибирская тема в литературе XX–XXI веков для детей и юношества».

Список литературы

1. Семячко С. А. Проблемы изучения региональных агиографических традиций (на примере вологодской агиографии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 122–142.
2. Ромодановская Е. К. «Святой из гробницы». О некоторых особенностях сибирской и севернорусской агиографии // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 143–160.
3. Чернышова Н. К. Состояние и проблемы современной сибирской агиологии // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: Политология. Религиоведение. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2016. Т. 16. С. 74–81.
4. Грекова И. В. Эволюция агиографического жанра в функционально-стилистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2014. 218 с.
5. Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/problemu-poetiki-literatury-sibiri-xix-nachala-xx-vekov> (дата обращения 18.07.2016).
6. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филол. журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
7. Житие святого праведного старца Феодора Томского / сост. Игумен Силуан (Вьюров). 3-е изд. (дополненное). Томск: Богородице-Алексиевский монастырь, 2010. 36 с.
8. Успеньева Ю. А. Благословенный старец: рассказы из жития святого праведного Феодора Томского. М.: Спаское братство, 2010. 79 с.
9. Шкуропацкая М. Г. Толкования псалмов: лингвоперсонологический аспект // Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 2 / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Мельник и С. В. Оленева. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 242–262.
10. Татаркина С. В. О дивном старце, стороне сибирской и о людях добрых: рассказы по мотивам жития праведного Федора Томского. Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. 48 с.
11. Евфимия (Пащенко), монахиня. Сибирский праведник: старец Феодор Томский. М.: Местная религиозная организация Православный приход храма Святого Духа сошествия на Лазаревском кладбище г. Москвы Московской епархии Русской Православной Церкви (Издательство Сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского), 2012. 32 с.
12. Фонов С. Тайна, унесенная на небо. М.: Местная религиозная организация Православный приход храма Святого Духа сошествия на Лазаревском кладбище г. Москвы Московской епархии Русской Православной Церкви (Издательство Сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского), 2009. 32 с.
13. Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование: дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. 405 с.

Макаренко Е. К., кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: andre@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 25.08.2016.

Е. К. Makarenko

POETICS OF CONTEMPORARY SIBERIAN HAGIOGRAPHIC LITERATURE FOR CHILDREN (ON THE MATERIAL OF HAGIOGRAPHIC WORKS ABOUT THE HOLY RIGHTEOUS ELDER THEODORE OF TOMSK)

The article examines the principles of compositional construction, plot construction and genre style nature of the first samples of regional hagiographical literature for children. As a rule, children hagiography is oriented towards «mature» canonical biographies. That is why in the analyses of the texts the interrelationship principles between modern hagiographical literature about the Siberian saint – righteous staretz Fedor and canonical biographical texts, put together by Father-Superior Siluan (Viurov) were compared, as well as artistic interpreting strategies of writers were examined. Special attention was given to the analysis of artistic principles used for depiction of the image of Siberia that is an important geographical characteristic feature of Siberian regional literature.

Key words: *hagiography, life, plot, genre, style, composition, image, Siberia.*

References

1. Semyachko S. A. Problemy izucheniya regional'nykh agiograficheskikh traditsiy (na primere vologodskoy agiografii) [Problems of studying of regional hagiographical traditions (on the example of the Vologda hagiography)]. *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Publikatsii. Polemika* [The Russian hagiography. Researches. Publications. Polemic]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 2005. P. 122–142 (in Russian).
2. Romodanovskaya E. K. «Svyatoy iz grobnitsy». O nekotorykh osobennostyakh sibirskoy i severnorusskoy agiografii [“Saint from a tomb”. About some features of the Siberian and North Russian hagiography]. *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Publikatsii. Polemika* [The Russian hagiography. Researches. Publications. Polemic]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 2005. P. 143–160. (in Russian).
3. Chernyshova N. K. Sostoyaniye i problemy sovremennoy sibirskoy agiologii [State and problems of modern Siberian hagiology]. *Izvestiya Irkutskogo gos. un-ta. Seriya: Politologiya. Religiovedeniye - News of Irkutsk state university. Series: Political science. Religious studies*. Irkutsk., Irkutsk state university Publ., 2016. vol. 16, pp. 74–81 (in Russian).
4. Grekova I.V. *Evolutsiya agiographicheskogo zhanra v funktsional'nom i stilisticheskom aspekte. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Evolution of the hagiographic genre in functional and stylistic aspects. Thesis cand. philol. sci.]. Kemerovo, 2014. 218 p. (in Russian).
5. Anisimov K. V. *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX - nachala XX vekov: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii. Avtoref. dis. d-ra filol. nauk* [Problems of poetics of literature of Siberia XIX - the beginnings of the 20th centuries: Features of formation and development of regional literary tradition. Abstract of thesis doct. philol. sci.]. Tomsk, 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/problemy-poetiki-literatury-sibiri-xix-nachala-xx-vekov> (accessed 18.07.2016) (in Russian).
6. Tyupa V. I. Mifologema Sibiri: k voprosu o «sibirskom tekste» russkoy literatury [Mytheme of Siberia: to a question of “the Siberian text” of the Russian literature]. *Sibirskiy filologicheskyy zhurnal - Siberian Journal of Philology*. Novosibirsk, 2002, no. 1, pp. 27–35 (in Russian).
7. *Zhitiye svyatogo pravednogo startsa Feodora Tomskogo* [Life of righteous elder St. Theodore of Tomsk]. Comp. Abbot Silvanus (Vyurov). Third Edition (Revised). Tomsk, Bogoroditse-Aleksievskiy monastyr' Publ., 2010. 36 p. (in Russian).
8. Uspen'eva Yu. A. *Blagoslovennyy starets: rasskazy iz zhitiya svyatogo pravednogo Feodora Tomskogo* [Blessed aged man: stories from life of St. Righteous Feodor Tomsky]. Moscow: Spasskoye bratstvo Publ., 2010. 79 p. (in Russian).
9. Shkurovskaya M. G. Tolkovaniya psalmov: lingvopersonologicheskyy aspekt [Interpretation of psalms: linguopersonal aspect]. *Yazykovaya lichnost': Modelirovaniye, tipologiya, portretirovaniye. Sibirskaya lingvopersonologiya* [Language personality: Modeling, typology, portraiture. Siberian linguopersonology]. Part. 2. Under the editorship of N. D. Golev, N. V. Mel'nik and S. V. Oleneva. Moscow: LENAND Publ., 2015. P. 242–262 (in Russian).
10. Tatarikina S. V. *O divnom startse, storone sibirskoy i o lyudyakh dobrykh: rasskazy po motivam zhitiya pravednogo Fedora Tomskogo* [About the wondrous elder, Siberia and good people: stories based on the lives of the righteous Theodore of Tomsk]. Tomsk, TSPU Publ., 2009, 48 p. (in Russian).
11. Evfimiya (Pashchenko), monakhinya. *Sibirskiy pravednik: starets Feodor Tomskiy* [Siberian righteous: Elder Theodore of Tomsk]. M.: Local religious organization Orthodox parish of the temple of the Holy Spirit on the descent of the Lazarev cemetery in Moscow of Moscow diocese of the Russian Orthodox Church (Publisher of Sisterhood of St. Ignatius of Stavropol), 2012. 32 p. (in Russian).
12. Fonov S. *Tayna, unesennaya na nebo* [The secret which is carried away on the sky]. Moscow: The local religious Orthodox Parish of the Temple of the Holy Spirit of Descent organization on Lazarevskoye a cemetery of mountains. Moscow the Moscow diocese of Russian Orthodox Church (Publishing house of Sisterhood for the sake of the prelate Ignatij Stavropolsky), 2009. 32 p. (in Russian).
13. Kim L. G. *Variativno-interpretatsionnoye funktsionirovaniye teksta: teoretiko-eksperimental'noye issledovaniye* [Variable and interpretative functioning of the text: theoretical and experimental study. Thesis doct. philol. sci.]. Kemerovo, 2010. 405 p. (in Russian).

Makarenko E. K.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, 634061.

E-mail: andre@tspu.edu.ru